

Валентина ПОНОМАРЕВА: *Вег. клуб. - 1995. - 13 июля. - с. 7.*

«Рязанов даже не указал мое имя в титрах»

Пономарева неожиданно обогатила самосознание наших женщин. С ее легкой руки умоляющий цветаевский крик в никуда «Мой милый, что тебе я сделала?» вдруг сменился конкретным ахмадулинским «А напоследок я скажу...» Когда после вечера романов поклонники валят за кулисы, в артистической они растерянно смотрят поверх ее головы: «Простите, а где здесь Пономарева?» Не верят, что она — 155 см, 52 кг — и есть та самая роскошная артистка. А еще она выдающаяся джазовая певица. А всеобщую славу обрела в цыганском трио «Ромэн» (1973 — 1985). А среди музыкальных гурманов слывет непревзойденной авангардисткой-импровизатором. Так кто она, Пономарева? Я знаю ее четверть века. Точно могу сказать: один из самых цельных и сильных человеческих характеров в современном артистическом мире.

— Не лучший комплимент женщине... Но, наверное, это была одна из причин, по которой развалилось трио «Ромэн». Оба моих партнера — Играф Иошка и Георгий Квик — страшно ревниво относились к моему джазу. Вообще у цыган не принято, чтобы женщина «высовывалась». Особенно у ловар.

— У кого?

— Трио «Ромэн» ведь было уникальным не только в музыкальном отношении, но и потому, что в нем соединились представители двух цыганских наций, сословий, что ли...

— Может быть, этнических групп?

— Наверное. Вот, например, я и Николай Алексеевич Сличенко — сэрво. То есть мы русские цыгане-христиане. Весь мой род — сэрво, отец родился в Курской губернии, там было много этих русских цыган Пономаревых-Эрденко.

— То есть ты к Николаю Эрденко имеешь отношение?

— Он мой двоюродный дед. Эта группа, сословие, род — как хочешь — славен тем, что у нас все музыканты, артисты. Кроме сэрво, есть, например, котляры, чукушты, татарские цыгане, и у всех свой язык. А ловаре — это такие аристократы. Они красивые, дети у

них белотелые, ухоженные. Ловаре очень богаты, они всегда хорошо разбирались в бизнесе. И имена у них: Алмаза, Принц, Грофо. И сравни: Волшанинова, Пономарева, Сличенко... Мы, сэрво, от земли, самые бедные, потому что всегда только искусством занимались. А ловар Играф Иошка в своей семье был исключением: артист до мозга костей. Так вот, в трио соединились два несоединимых элемента: два ловара взяли в компанию сэрвичку!

— Ваше трио впервые вывело цыганское искусство с этнографического уровня на общемировое. Трудно было подорвать в идеальном ансамбле какой-то исторический антагонизм. Ну цыгане и цыгане...

— Это очень интимные вещи. Никто из цыган никогда ничего тебе об этом не расскажет. Когда я попадала на их праздники, чувствовала себя там чужой. Я, в то время бедная и часто голодная, приезжала в дома, похожие на филиал Эрмитажа. Вазы завалены экзотическими фруктами, стены затянуты штофом и бархатом. Мебель атласная, обезьянки живые бегают, на дачах все из «Березки»...

— Эти богатые цыгане и сейчас есть?

Клубные встречи

— Ну конечно. Но к их богатству относишься иначе, чем к богатству новых русских. У ловар оно нажито веками и передается по наследству.

— Я тогда, в 70-м, жутко удивилась, что ты, экстравагантная джазовая певица, вдруг подалась в театр «Ромэн». Ведь я даже не подозревала, что ты цыганка. Ты же ходила такая, как сейчас говорят, «крутая»: черное пальто-макси, длинный зеленый шарф два раза вокруг шеи и справа-слева мостовую метет, ассиметричная короткая стрижка, губы накрашены светлой помадой...

— Это чтобы больше походить на негритянку — джазовые дела. В театр я пошла статисткой, хористкой на 75 рублей. Потому что надо было жить в Москве. Я тут родилась, папа-скрипач и мама-пианистка закончили Московскую консерваторию. Но папина цыганская кровь — не вода, на месте он не сидел, его понесло по всему Союзу, и мама за ним, хоть она и дворянских кровей. По всем

несколько рядов, и меня просят: а не споете нам «А напоследок...»? Ради этого они промучились весь концерт, ужас!

— Вот смешно, Валя, этот романс тебе путь розами выстлал, а ты считаешь, что он — твой крест! Откуда он вообще вдруг взялся?

— Все было просто. Позвонил Андрей Павлович Петров: «Надо попробовать попеть для фильма по «Бесприданнице». Я согласилась скрепя сердце. А фильмов к тому времени озвучила уже около двадцати: «Агонию», «Чучело», «Лечу к тебе воспоминаньем» Хржановского с музыкой Шнитке. Я записала для фильма Рязанова четыре романса. Представь себе, в титрах даже не указали моего имени. Не пригласили на премьеру. Но самое обидное — вышла пластинка, я помчалась на «Мелодию» за своей пачкой, а на конверте тоже нет моего имени! Ехала с этой пачкой пластинок в метро и плакала... Удивительное дело: зритель все равно понял, что пела не Гузеева! А вообще в кино работать очень люблю. Это прекрасная возможность экспериментировать. Сейчас вышел потрясающий фильм Нелли Саканян о Хлебникове. Я там и стихи его читаю, и пою, и свищу, и дышу. И даже наконец имя мое есть в титрах.

— Ты знаешь, как высоко о тебе отзывается София Губайдулина. А она сейчас все-таки номер один.

— Был такой фильм «Балаган» по Гарсиа Лорке. Озвучивали его Ролан Быков (он пел первый раз в жизни) и я. Соня дала мне ноты, но я с нотами не дружу. Так только, посмотрела. А потом на репетиции выдала ей такое, что она ноты спрянула и дала мне карт-бланш. У нас с ней несколько фильмов, где я просто импровизирую в заданных ею рамках. Вообще знаешь, что это за человек? Если и есть у меня идеал среди ныне живущих, то она — одна из немногих.

— Давай от авангарда к романсу. До определенного возраста над ними смеешься, правда? Значит, ты созрела?

— Романс я всегда презирала. Считала мещанским искусством. Такой примитив по сравнению с джазом. Другое дело, что он с детства меня сопровождал. Отцовская бабка, все тетки, сестры — все романтисты знаменитые. Он был у меня на слуху, но не в сердце. А романс в отличие от джаза история женской души вообще. Той, которая обрела свое внешнее выражение на картинах русских художников. Не забывай, что во мне есть дворянская кровь. У нас хранится фотография бабушки в кринолине... Во-вторых, романс привлекателен тем, что он асоциален. Это остров любви, где живут двое.

— Женщины на твоих концертах рыдают.

— А я для женщин и пою, не для мужиков. Знаешь, у меня нет подружек, которые приходят ко мне на кухню. Кухню мне заменяет сцена. Я выхожу на сцену и рассказываю своим товаркам по несчастью, как это было у меня.

— Ну я-то помню, что за жизнь у тебя была, не приведи Господь.

— И вот после всех этих страданий Бог меня услышал и послал мне Костю. И этот человек избавил меня от всех кошмаров, взвалил на себя все... Жил себе в Одессе, закончил Институт инженеров морского транспорта. Прекрасно работал. Но была у него слабость — джазовые, авангардные фестивали. Я увидела его в Питере на «Осенних ритмах». Он знал и ценил меня как певицу. Мы выпили по чашечке кофе, взялись за руки и больше не расставались. За двенадцать лет он стал профессиональным гитаристом и теперь стоит рядом на сцене.

— Такое впечатление, что ты не бываешь в цейтноте, как другие артисты.

— Просто я очень аккуратна, упорядочена, даже на свидание не могу опоздать.

— Но наверняка не любишь рано вставать.

— Увы, по природе я жаворонок. В семь на ногах. После концерта просто погибаю — ведь полагается пообщаться с друзьями, потусоваться, а для меня это мука, я просто хочу спать. Все ночные программы ТВ Костя мне записывает, и я смотрю утром и «Обломова», и «Программу А».

— Валя, я иногда думаю, кем бы мы были, если бы не катаклизм начала века? Глупо, но интересно... Я, скажем так, — пейзажной в деревне Земцы Витебской области. А ты?

— Если по папе — то таборной цыганкой. А по маме — дворянкой, княжной в имении Лукашево Курской области. А так — что я есть?..

Гостью встречала
Наталья ЗИМЯНИНА.
Фото Сергея БАБЕНКО
и из семейного архива.

С братом Володей. Хабаровск, 60-е годы.

С сыном Олегом на фестивале «Альтернатива».